

Л. З. КОПЕЛЕВ

И сотворил себе кумира

<Фрагменты>

<...>

К Троцкому я впервые испытал чувства приязни, когда прочитал в школьной хрестоматии «Освобожденный труд», в чьих-то воспоминаниях о Гражданской войне, как доблестный наркомвоенмор вдохновлял своими речами бойцов, бесстрашно и находчиво командовал, а после боя обнимал и целовал красноармейцев, не имея для них других наград. В книге Ларисы Рейснер «Фронт 1918 года» Троцкий предстал уже вовсе легендарным героем¹. Он вместе с охраной своего поезда отразил налет казаков, забросав их консервными банками, которые те приняли за гранаты и бежали, подставляя спины меткому огню малочисленных, но хладнокровных стрелков.

Прозу дополняли стихи. Моим любимым поэтом после Демьяна Бедного в то время стал Есенин; меня восхищали и его соблазнительно грешные, кабацкие, хулиганские стихи, и героические — «Повесть о великом походе», «Баллада о 26-ти». В «Повести» были слова, которые впоследствии исчезли из новых изданий: «Ленин с Троцким наша двойка, ну-ка пробуй-ка, покрой-ка... Ой, ты атамане, не вожак, а сотский, и зачем у коммунаров есть товарищ Троцкий? Он без слезной песни и лихого звона приказал коней нам наших напоить из Дона»².

<...>

Сомнения, которые в те годы возбуждал Троцкий, не умаляли его величия, даже придавали ему некую живую реальность, привлекательность. Ведь разноречивыми были оценки всех великих людей царя Петра, Наполеона и Бисмарка, которого так чтили мои

бонны и Ганс Шпанбрукер, а потом оказалось, что он был за царей, против рабочих и против Парижской Коммуны.

<...>

Мировая революция была совершенно необходима, а тут, как назло, наши вожди перессорились. Почему они не понимают, что это только вредит нам и радует врагов? Троцкий объединился с ленинградцами. Они называли себя ленинской оппозицией, они бы ли за мировую революцию, и это хорошо. Но они уверяли, что мы сами не можем построить социализм в одной стране. Может быть, это и так, но ведь обидно, мы же победили и в Октябре, и в Гражданскую войну, почему бы не попробовать, пока нет войны, а вдруг все-таки построим, и ведь нашим рабочим и крестьянам неприятно, если им говорят, что им вроде как «слабо» самим построить социализм. В этом я соглашался с Бухариным и Сталиным, которые доказывали, что мы все можем, ведь Ленин же сказал: коммунизм это советская власть плюс электрификация. Но зачем они так несправедливо ругали Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, как будто те контрики и уже никаких заслуг не имеют?

Дискуссии 1926-го года мне показались раздражающе нелепыми в своей ожесточенности. В отряде несколько ребят были за Троцкого, и я с ними разругался потому, что они говорили, будто в деревне никому нельзя верить, каждый дядько лезет в куркули и готов продать пролетариат и мировую революцию по дешевке. Возражая им, я орал уже вовсе по-газетному про смычку города с деревней и доказывал, что социализм строят для всех трудящихся, не для одних только городских рабочих, — их у нас самое малое меньшинство, и нельзя из них новых дворян делать, а Разин и Пугачев, и Калинин, и Буденный тоже крестьяне, а Троцкий был всегда против Ленина и «лезет в Наполеоны». Но в школе, на форпосте, все были за ЦК, говорили, что Троцкий — меньшевик и задается, Зиновьев и Каменев были в Октябре штрейкбрехерами и все ленинградцы — бузотеры. Тогда я тоже лез в спор, доказывал, что без Троцкого не было бы Красной армии, что Зиновьев — вождь Коминтерна, с Лениным дружил всю жизнь, ленинградцы — лучшие пролетарии и они за мировую революцию, а Бухарин и Сталин защищают кулаков и нэпачей.

<...>

В феврале 1929 года меня потрясло сообщение о высылке Троцкого за границу... Пусть он ошибался, пусть затевал внутривнутрипартий-

ные споры, даже самые ожесточенные. Но ведь все-таки в Октябре 1917 года он был главным помощником Ленина; он создавал Красную армию. И высылать его за рубеж, как белогвардейца, — это было уж слишком. Листовки и брошюры, подписанные «большевики-ленинцы (оппозиция)», доказывали, что именно Троцкий, Пятаков, Смилга, Преображенский зовут партию на правильный путь. А Сталин и Рыков потакают кулакам, нэпачам и бюрократам.

<...>

В отличие от Марка, который считал последовательными ленинцами только ленинградцев, меня привлекали героические мифы Троцкого и его приверженцев <...>

Сообщение о том, что убийцу Кирова³ направляли зиновьевцы, поразило и испугало. Но я поверил. Еще и потому, что помнил одну из листовок оппозиции в феврале 29 года, перед высылкой Троцкого. Квадратик бумаги со слепым шрифтом: «Если товарища Троцкого попытаются убить, за него отомстят... Возлагаем личную ответственность за его безопасность на всех членов Политбюро — Сталина, Ворошилова, Молотова, Кагановича, Калинина, Кирова, Куйбышева, Рудзутака...»

И еще помнил Мосю Аршавского, который в марте 1929 года представился:

— Я из Харьковского молодежного центра большевиков-ленинцев.

Долговязый, тощий, коротко остриженный, он никогда не улыбался, брезгливо презирал «хлипких интеллигентиков», «дрейфующих либералов», «бумажные души», «кабинетных вождей». Так он честил Зиновьева, Каменева, Преображенского, Радека и других лидеров оппозиции.

— Лев Давыдыч с них получше будет. Раньше имел хватку. Но он тоже трепач. Буквоед. Теоретик. Вот Сапронов и Шляпников⁴ — это пролетарские вожди без понту. Я лично «децист». Мы, конечно, входим в объединенную ленинскую оппозицию. Но только мы настоящее революционное ядро. Ты на што надеешься? На листовочки, брошюрочки? Што вы переговорите, переумничаєте аппаратчиков и они вдруг отменят решения 15-го съезда? Сталину дадут по жопе, а Льва позовут обратно в Политбюро? Маком!.. Все эти писанины, разговорчики для болота. Штоб с либералов хоть какую-нибудь поддержку иметь, штоб в армию проникнуть. Решать будет настоящая борьба: забастовки, воору-

жение рабочих. А там, если понадобится, и Кремль штурмовать будем. Революцию бумажками не делают...

Аршавского я считал диким фанатиком, возражал ему, спорил, ссылаясь на документы «ленинской оппозиции», которая должна действовать только внутри партии и комсомола, и к беспартийным рабочим обращаться только от имени партии, как ее лучшая часть. Но от споров он отмахивался.

<...>

